

Багровые занавески развевались вокруг них. Все произошло так внезапно, что Мин Юй даже не успел оттолкнуть его, позволив его неопытному язычку скользнуть в свой рот, мягко касаясь десен и нёба. Горячее дыхание обжигало губы, черные волосы рассыпались.

— Мин Юй, я люблю тебя с первого взгляда...

Лицо Цзюнь Улэя пылало, его глаза горели, как звезды на небе. Его обычно спокойное лицо было окрашено в розовый оттенок, словно он снова стал тем несовершеннолетним юношей из Царства духов — застенчивым и полным чувств.

Выразительные черты лица Мин Юя выражали легкую растерянность, в них не было ни капли жестокости или зла. Оно было мягким и чистым, как лунный свет за окном, излучая невыразимую привлекательность. Но в мгновение ока все эмоции исчезли, и широкие рукава слегка взметнулись.

Шлепок!

Громкая пощечина тяжело ударила по щеке Цзюнь Улэя. У него зарябило в глазах, а на левой щеке отчетливо проступил отпечаток пяти пальцев.

— Мой дорогой Цзюнь, ты действительно так наивен, — уголки его губ изогнулись в идеальной улыбке, а во взгляде читалось явное презрение. — Неужели это и есть твоя так называемая любовь?

— Мин Юй...?

— Как это смешно и глупо, — его глаза-фениксы сузились, а в глубине черных зрачков уже читалось холодное презрение. В голосе звучала явная насмешка, но она не достигала глаз.

— Любовь? Как это слово легко слетает с твоих губ, — Мин Юй схватил Цзюнь Улэя за подбородок, сжимая так сильно, что казалось, кости вот-вот треснут.

Цзюнь Улэй резко поднял голову, его глаза широко раскрылись от недоверия.

Затем он услышал его спокойный, бесстрастный голос:

— Если это правда, докажи это на деле. Покажи мне, что твоя так называемая любовь — не просто слова, которые ты, как бешеный пес, выкрикиваешь на каждом углу.

Цзюнь Улэй почувствовал тяжесть в пояснице, и его опрокинули на ложе. Широкое плечо придавило его грудь, а горячая ладонь зафиксировала его у изголовья. Его дыхание сбилось, и он инстинктивно поднял колено, ожидая, что мужчина отстранится, но вместо этого колено

уперлось прямо в его живот!

Руки, прижимавшие его, дрогнули. Мин Юй весь застыл, его дыхание стало тяжелым, и он придавил Цзюнь Улэя так, что тому стало не хватать воздуха.

Горячее дыхание опалило его лицо, заставив сердце бешено забиться. Он уже собрался поднять руку, но по щеке снова ударила громкая пощечина.

Одежду с него содрали за пару движений. Дыхание Мин Юя нависло над ним, а его глаза были темнее, чем ночь перед рассветом.

— Что, ты не рад? Ты же заявлял, что хочешь залезть ко мне в постель. Сегодня я исполню твое желание.

Цзюнь Улэй замер, почувствовав опасность, и начал беспомощно сопротивляться. Весь он покраснел, как вареный рак, с головы до пят, а язык начал заплетаться:

— Нет, я не это имел в виду, я хотел... не то, что ты думаешь...

Нежную кожу на шее резко присосали, заставив его вскрикнуть. Лента, связывавшая волосы, соскользнула, и прежде чем он успел среагировать, его руки были свободно привязаны шнурком к изголовью кровати. Освободиться не получалось.

— Остановись, остановись сейчас же!..

Цзюнь Улэй мучительно извивался, но не мог вырваться из оков, и в отчаянии начал кричать.

Мин Юй отпустил его, и его влажный язык скользнул по векам, переносице, а затем опустился на губы. Он впился в них, безжалостно кусая и целуя, пока они не стали опухшими и красными!

Цзюнь Улэй содрогнулся всем телом, и из его горла вырвался стон. Тело мгновенно одеревенело.

В этот момент теплая ладонь легла ему на спину, сдерживая его попытки вырваться. Но прикосновение было мягким и теплым, больше похожим на безмолвное утешение. Постепенно, сантиметр за сантиметром, оно успокаивало его напряженные нервы. Это была полная противоположность безжалостному поцелую — нежная и внимательная забота.

Раздался шелест снимаемой одежды, и аромат сандалового дерева в воздухе стал еще гуще.

Хотя Мин Юй не произнес ни слова, его потная кожа слегка дрожала. Ровное и сильное дыхание, опалывшее его шею, каждым выдохом затрагивало самые чувствительные нервы.

Цзюнь Улэй сжал кулаки, сердце бешено колотилось.

Пальцы Мин Юя скользнули по его плечу. Холодные кончики пальцев заставили сердце Цзюнь Улэя учащенно биться, словно цепь обвила его сердце, сжимая и стискивая, заставляя его судорожно хватать воздух!

— Не надо... — Цзюнь Улэй испуганно вытаращил глаза, дыхание участилось, и он инстинктивно попытался увернуться.

— Не двигайся! Расслабь тело, тебе будет легче.

В тот миг Цзюнь Улэй на самом деле не чувствовал сильной боли. Он лишь растерянно выгнул спину, кровь в жилах будто закипела, а сознание стало пустым и отрешенным.

Каждая капля крови в его жилах бурлила и кричала. Где-то в глубине, в источнике ци, разливалось тепло.

Сознание Цзюнь Улэя стало чистым листом. Высокая фигура, обнимающая его, отражалась на занавесках, излучая жадную, поглощающую притягательность, которая сантиметр за сантиметром пожирала его душу.

Казалось, даже воздух стал разреженным. Горячие губы медленно опускались...

Лунный свет падал на ужасающую маску-демон Мин Юя, окутывая ее холодным сиянием. На таком близком расстоянии Цзюнь Улэй мог разглядеть даже его слегка дрожащие ресницы. В этот миг он невольно задумался: какое же лицо скрывается под маской? Возможно, неотразимо прекрасное?

Прекрасные глаза-фениксы излучали во тьме гипнотический блеск, подобный облакам на ветру, высоким и одиноким, окутанным густым туманом, непроницаемым для солнечного света, мрачным и глубоким, но при этом бесконечно пустым. Казалось, стоит лишь раз взглянуть в них — и тебя затянет в их угольно-черные зрачки, закружит в водовороте, лишив самообладания.

Глубокое чувство печали и скорби поднялось в сердце Цзюнь Улэя, растворившись в каждой капле его крови и плоти, вызвав удушьющее ощущение, словно он больше не мог дышать!

Навязанная близость превратилась в ночь страсти и взаимного притяжения, подобную долгожданной близости, пропитанную горечью томительного ожидания, словно сгоревшей за тысячелетия...

За занавесками ночной ветер был холоден, срывая с деревьев все их цветение.

— Ты плачешь...

Костлявые пальцы провели по его веку, вызывая легкий зуд. Лицо Цзюнь Улэя вспыхнуло. Подняв голову, он увидел, что кончики пальцев Мин Юя влажны. Его взгляд, устремленный на него, был сложным и глубоким, как резные девятиярусные фениксы на стенах, и Цзюнь Улэй не мог его разгадать.

Оказывается, он и не заметил, как из его глаза скатилась чистая слеза. Он не знал, почему. Он не чувствовал печали, но его тело, казалось, обладало собственным сознанием, и слезы текли сами по себе, без его воли. Невысказанная горечь рассеивалась с этими каплями, бесшумно растворяясь в ветре.

Лунный свет был обольстителен, звезды сияли.

Брови Мин Юя слегка сдвинулись. Его глубокие, холодные глаза пристально смотрели на плачущего перед ним человека, а пальцы с нежностью гладили его мягкие волосы.

Цзюнь Улэй почувствовал, как его охватывает усталость, подобная приливу. Веки стали тяжелыми, как свинец, каждый вдох требовал огромных усилий. Он почувствовал, как перед глазами потемнело, и, наконец, освободившись от того безумного, сводящего с ума пыла, погрузился в глубокий сон.

Прошло неизвестно сколько времени, и за занавесками снова воцарилась тишина. Мин Юй протянул руку, развязал шнурок, связывавший запястья Цзюнь Улэя, взял его руку и наклонился, чтобы поцеловать его влажные от слез веки.

— Кто-то говорил, что плачущая улыбка — самая красивая. Кажется, это правда, — его мягкий голос был подобен вздоху, растворяющемуся в ночи.

За окном начал падать густой снег. Ветер хлопал свисающими занавесками, а снежинки, подобные гусиному перу, залетали внутрь. Мин Юй, казалось, не замечал этого, его взгляд с самого начала и до конца был прикован к лицу спящего Цзюнь Улэя.

Фиолетовое сияние вырвалось из ладони Мин Юя, превратившись в прозрачный световой купол над головой Цзюнь Улэя, защищая его от проникающего в комнату холодного ветра. Талая снежная вода тонкими струйками пропитала подол одежды Мин Юя.

— Это лицо становится все более похожим... — Мин Юй посмотрел в окно. Лунный свет падал на его лицо, а выражение стало загадочным и непостижимым.

На горизонте забрезжил рассвет. Остаточный аромат сандалового дерева все еще витал за

тонкими занавесками. Легкий шелк дверных занавесок развевался на ветру. Стройная и прямая, как сосна, тень мелькнула и исчезла. В покоях снова воцарились спокойствие и умиротворение. Фиолетовый световой купол над ложем все еще отражал в лучах рассвета тусклое сияние.

<http://bllate.org/book/15278/1348701>